

С.М. Климова*

Н.Н. СТРАХОВ КАК ПОСРЕДНИК МЕЖДУ Л.Н. ТОЛСТЫМ И Ф.М. ДОСТОЕВСКИМ**

В статье предпринята попытка преодолеть один из устойчивых научных штампов в исследованиях, касающихся взаимоотношений между Л.Н. Толстым, Ф.М. Достоевским и Н.Н. Страховым. Последний традиционно считается посредником между двумя писателями и в то же время виновником их несостоявшейся встречи в марте 1878 г. Автор полагает, что именно в этот год данная встреча вряд ли могла состояться, вне зависимости от намерений Страхова, и предлагает обратить внимание на принципиальные различия мировоззренческих позиции Толстого и Достоевского по Восточному вопросу.

Ключевые слова: Н.Н. Страхов, Л.Н. Толстой, Ф.М. Достоевский, русская философия, интеллигенция, религиозное мировоззрение

Nikolay Strakhov as a mediator between Leo Tolstoy and Fyodor Dostoevsky.
SVETLANA M. KLIMOVA (HSE University, Moscow)

The article attempts to overcome one of the persistent scholarly clichés concerning the relationship between Leo Tolstoy, Fyodor Dostoevsky and Nikolay Strakhov. The latter is traditionally considered a mediator between the two great writers and at the same time the one who disrupted their meeting in March 1878. The author believes that this meeting could hardly have taken place in this particular year, regardless of Strakhov's intentions, and suggests paying attention to the fundamental differences in Tolstoy's and Dostoevsky's philosophical positions on the Eastern question.

Keywords: Nikolay Strakhov, Leo Tolstoy, Fyodor Dostoevsky, Russian philosophy, intelligentsia, religious worldview

Введение

Имя Н.Н. Страхова (1828–1896) хорошо известно многим специалистам в области русской философии и культуры, но, как правило, оно прочитывается в ключе интеллектуальной вторичности. Это судьба многих ярких людей, живших в эпоху выдающихся «селебрити». О Страхове говорят практически всегда, когда

рассуждают о Л.Н. Толстом, Ф.М. Достоевском, А.А. Фете, Н.Я. Данилевском, В.С. Соловьеве или В.В. Розанове. Но говорят, как правило, таким образом, как будто его имя несколько случайно оказалось в этом славном ряду. Его считают тенью многих знаменитых друзей. Однако история давно показала, что без теней великие теряют что-то от своего блеска. В судьбе этого

* КЛИМОВА Светлана Мушаиловна, доктор философских наук, профессор Школы философии и культурологии факультета гуманитарных наук Национального исследовательского университета «Высшая школа экономики».

E-mail: sklimova@hse.ru

© Климова С.М., 2023

** Работа выполнена при финансовой поддержке гранта РНФ. Проект № 19-18-00100.

русского философа очень много исторических штампов, как, впрочем, и в судьбах его известных визави. Отношение к нему хорошо укладывается в известную формулировку: «мыслитель второго эшелона» или «второго ряда», вечный «трикстер» около культурных героев.

Попробуем разобраться со штампом: что значит быть в тени великих. В 2010 г. в издательстве «Алетейя» вышел сборник «В тени великих: образы и судьбы» [2]. Этот сборник открыл научную серию под названием «Человек второго плана в истории». Идея серии принадлежит коллегам-историкам из Южного федерального университета. Они дают следующее определение человека второго плана: речь либо идет о человеке-посреднике между массами и творцами, либо это некая метафора «серого кардинала». Многие исследователи приписывают Страхову и посредническую роль в качестве литературного критика, что, по существу, верно, но в то же время он играет и роль «серого кардинала», почему-то неся историческую ответственность, например, за «невстречу» Толстого и Достоевского. Кроме того, он остался в истории литературы «сплетником» и «клеветником», обвинившим Достоевского в частном письме к Толстому в страшном «ставрогинском грехе» [7].

Другой штамп, появившийся в конце XX – начале XXI вв., связан с иного рода преувеличением, делающим Страхова чуть ли не святым, гигантом мысли в философии и одной из самых значимых личностей своего времени [14]. Желание показать Страхова русским патриотом-славянофилом, апологетом православия или Русской церкви похвально, но настолько явно доминирует над критическим восприятием его идей и жизни, что многие исследователи нарушают даже элементарную логику высказываний в своих апологиях, не говоря уже о сектантском отсечении трудов философа, невыгодных для их системы оценок и апологетической аргументации. Идея здесь подменяет логику и стремление к истинному знанию. Например, указывая на факт его биографии – окончание в 1845 г. Костромской семинарии, исследователи автоматически делают вывод, что из семинарии он «вынес глубокие религиозные убеждения, которые не покидали его на протяжении всей жизни и составили впоследствии важнейший элемент его философии. Однако сравнительно рано у Страхова проявился интерес и к естествознанию...» [1].

Как известно, во времена Страхова из семинарий, как правило, выходили люди, легко отрекавшиеся и от Бога, и от статуса своего религиозного служения, быстро менявшие кадила на журналистское перо, консерватизм – на либеральную идеологию. Страхов же никогда сам себя не считал религиозным человеком. В 1877 г. он вместе с Толстым посетил Оптину Пустынь, что стало поводом для о. Амвросия назвать его закостенелым человеком, чье неверие было еще глубже, чем метания и сомнения Толстого [5]. Если и был он в душе носителем семинаристских традиций, то скорее в «прочтении» этого типажа Достоевским, назвавшим одного из его прототипов «семинаристом-карьеристом» [8].

Н.Н. Страхова правомернее назвать интеллектуалом – «оркестром без первой скрипки»: ученый-естественник с магистерской степенью по зоологии, философ, переводчик, литературный критик, библиотекарь, член-корреспондент Петербургской академии наук, обладатель уникальной исторической судьбы и одновременно – никогда не высказывающий громко своих взглядов человек «простого контрапункта».

Одной из важнейших тем его жизни стала история взаимоотношений с Л.Н. Толстым и Ф.М. Достоевским. Здесь его также преследует штамп вины «серого кардинала» за «невстречу» двух великих, оказавшихся на одной лекции В.С. Соловьева 10 марта 1878 г. Да, Страхов знал, что они оба были на лекции, он был спутником Толстого, но ни ему, ни Достоевскому ничего не сказал [9, с. 393–394]. Обсудим этот случай подробнее.

Виноват ли Страхов в том, что Толстой не встретился с Достоевским

Сама формулировка вины, да еще и в ситуации, так далеко отложенной во времени, кажется весьма странной. Как мог Страхов помешать встретиться, при желании, двум своим великим современникам, прекрасно знавшим друг о друге, читавшим друг друга, критиковавшим друг друга, близким по тематике и силе напряжения мысли? Для этого действительно нужно обладать талантом интригана-Мефистофеля, каковым Страхов никогда не был. С моей точки зрения, такая встреча была принципиально невозможна в 1878 г. И дело не в Страхове, не в его амбициях или удивительной способности кем-то ловко манипулировать. Дело в самих ви-

зави. Возможно, позже эта встреча стала бы не только возможной, но даже неизбежной, но не в тот момент. Их встреча не могла быть рядовым знакомством или проявлением любопытства. Мне кажется, что соединить их могла только вера, общее понимание христианства, его будущего в исторической перспективе, которое бы только и сделало их единомышленниками. Если бы Толстой видел в то время в Достоевском близкого по духу человека, его бы ничто не удержало от встречи. Он был очень открыт к людям, близким ему в вопросах понимания веры. Например, именно он стал инициатором знакомства с главой духовоборов Петром Веригиным и приехал на встречу с ним, правда, опоздав на вокзал, с которого тот отправлялся на каторгу. Мы знаем сколько писем он инициировал самым разным людям, кстати, тому же Страхову, если тема его задевала. В письме от 26 сентября 1880 г., через два года после событий «невстречи» на лекции, он через того же самого Страхова передал Достоевскому свою любовь, поставив «Записки из Мертвого дома» даже выше Пушкина [13, с. 24–25]. Но между тем никакой духовной близости между ними, по существу, не было.

Одной из причин невозможности встречи в 1878 г., как мне кажется, являлась знаменитая нелицеприятная критическая запись Достоевского в «Дневнике писателя» в июле-августе 1877 г. о восьмой и последней части романа Толстого «Анна Каренина». Достоевскому оказался чужд антивоенный и анти-национал-патриотический взгляд Толстого, выраженный в позиции его героя-визави Константина Левина. Именно эта запись показывает, насколько по-разному русские писатели понимали базовые основы своего мировоззрения: христианство и народничество, роль государства в развитии личностного начала, на которых строилась вся духовная система мыслителей. В числе прочего они расходились в вопросе о праве на насилие. Толстой отрицал возможность частной инициативы в этом вопросе и указывал, что такое право есть только у государства. Именно эту идею позже положит в основу своей концепции государства как политического союза, обладающего средством физического насилия, М. Вебер. Достоевский, напротив, считал вполне допустимым добровольческое военное движение, связанное и финансово, и инициативно не с действиями и решениями властей, но с пожеланиями и пожертвованиями граждан.

В.Н. Захаров в статье «Полемика как диалог: Достоевский в споре с Л. Толстым» [6] рассматривает дневниковые записи Достоевского с точки зрения особой роли, которую он взял на себя, обсуждая роман Толстого. Писатель выступил здесь в роли литературного критика. А если мы вспомним, что таким постоянным критиком был у Толстого Страхов, то в каком-то смысле он становится альтер-эго Страхова в критической интерпретации романа. С точки зрения Захарова, оценивая жесткую критику Достоевского, следует исходить не из того, *что* сказано писателем, а из того, *как* это написано. Именно как литературный критик Достоевский, высоко оценив литературное значение романа и автора в целом, не принял его политические оценки Русско-турецкой войны 1877–1878 гг.

Хочется отметить, что отношение к роману у Достоевского было совсем не однозначным. «Об романе Толстого [А.Н. Майков и Н.Н. Страхов] тоже говорили не много; но то, что сказали – выговорили до смешного восторженно», – писал Достоевский жене 6 февраля 1875 г. [4, с. 9]. 7 февраля ей же: «Роман Толстого ... довольно скучный и уж слишком не бог знает что. Чем они восхищаются – понять не могу» [4, с. 11]. «...Порецкий уже окончательно с ума сошел на Толстом», – писал Достоевский жене 15 (27) июня 1875 г. [4, с. 48]. Но шестая и седьмая части писателю чрезвычайно понравились, в 1877 г. он уже называет Толстого «богом искусства». В февральском номере «Дневника писателя» за 1878 г. он пишет о Левине как о новом человеке, с чистым сердцем. Однако уже в июльском и августовском номерах тональность резко меняется.

Восьмая часть «Анны Карениной». Критическое обособление

Восьмая часть романа не просто вызвала недовольство Достоевского Толстым. Он явно раздражен, полемика переходит совсем в другое русло. Здесь больше нет литературного критика, как нет и великого русского писателя, о котором пишет другой великий русский писатель. Перед нами мыслитель конкретного направления. Его критика дана с почвеннической и национал-патриотической позиций. Восьмая часть романа, в которой Толстой высказывается неодобрительно о добровольческом движении русских в пользу сербов, вызвала резкие и конкретные возражения со стороны Достоевского.

Достоевский-мыслитель прямо указывает на то, что спускать автору романа «Анна Каренина» его антивоенной позиции он не собирается, даже если бы мог хоть как-то объяснить позицию Левина. По его мнению, произошло «отпадение такого автора, отъединение его от русского всеобщего и великого дела, и парадоксальная неправда, возведенная им на народ в его несчастной восьмой части, изданной им отдельно. Он просто отнимает у народа все его драгоценнейшее. Лишает его главного смысла его жизни» [3, с. 202]. По Достоевскому, объявление Россией войны за освобождение славян от турецкого ига – факт огромного значения: подвиг России бескорыстен и велик, цель войны невероятна: «Эта неслыханная война, за слабых и угнетенных, для того, чтобы дать жизнь и свободу, а не отнять их, – эта давно уже теперь неслыханная в мире цель войны, для всех наших верующих явилась вдруг, как факт, торжественно и знаменательно подтверждавший веру их» [3, с. 196].

Для понимания принципиальной разницы позиций необходимо дать слово Толстому. В своей антивоенной позиции он, человек, прошедший войну, был последователен всю жизнь, хотя многие его идеи и менялись во времени. В отличие от Достоевского он никогда не разделял теорию справедливых войн, сформулированную Августином. Война, с его точки зрения, не имеет оправдательной мотивации. Ее суть – антигуманная и антихристианская по определению, какими бы идеями не оправдывалось ее развязывание.

Так же принципиально отличалось понимание русского народа и его специфики, свойственное Достоевскому и Толстому. Почвенничество Достоевского выросло из желания придать уникальную направленность самой идее русского народа, показать его хотя и противоречивую, но глубоко христианскую суть. Главной чертой русского народа, с точки зрения писателя, является его коллективизм, отзывчивость, консолидация вокруг «русской идеи».

Такой «народ» совершенно чужд Толстому. Для него народ – это любой человек, который обладает инстинктом христианского мировоззрения, является последователем этического учения Христа вне национальных характеристик и свойств. Можно не знать Евангелия, не читать апокрифов, не жить в народной среде непосредственно, но следовать словам и заповедям Учителя, субъективно – практически – переживая истины христового поведения и этики.

Именно это делает тебя частью целого – частью народа, в идеале – человеком всего мира.

Можно сказать, что христианин Толстого – глубоко рефлексивный тип, на манер декартовского *cogito*. Ему важно не следовать массовым стереотипам, но умом и сердцем понимать свою причастность высшему и в этом понимании обрести смысл собственной жизни. На этом построен глубокий антагонизм религиозных воззрений Достоевского и Толстого в 1877–1878 гг.

Толстой свою народную идею выражает в простой формуле, высказанной Константином Левиным в романе: «я сам народ, и я не чувствую этого», снимая резкое противопоставление народа и «баричей». Для Достоевского это все – лишь барская бравада. Он, по сути, устанавливает запрет на такое отождествление и на общность чувств народа и интеллигенции. Левин, с его точки зрения, типичный русский интеллигент, обладавший всеми характеристиками беспочвенной мятущейся натуры. В своей критике «человека с чистым сердцем» он вдруг называет «подпольным», превращая его в прототип одного из своих одиозных героев. Связь личности и народа Достоевский решает антиморально, делая народ положительно-заряженным «мы», а интеллигенцию – отрицательно-заряженным «я». Для Толстого все наоборот. Ценность всех может быть дана лишь через самоценность каждого. У него есть известная метафора океана и капли, которая делает более ясным понимание этой связи. С одной стороны, капля самоценна, с другой – она наполняет океан, растворяясь в нем, сливаясь в единое целое с другими «я». В этой целостности сохраняется и одновременно снимается значимость каждого человека, живущего по принципам христианского учения о всемирном единении. В этой логике значимость личности и общества меняются местами. Для Толстого России нет не только без Левина, но и без Платона Каратаева, капитана Тушина, Наташи Ростовской. Достоевский более жестко иерархизирует значимость личности, в зависимости от ее близости к почве-народу, отождествляемой им с апокрифическим Христом.

Достоевский чрезвычайно яростен не только в отношении Левина, но и в отношении зарождающейся в недрах романа концепции непротivления злу насилием. Рассматривая аргумент «невинной жертвы» как базовый для оправдания обратной агрессии, писатель требует обязательного отмщения за страдания не-

винных детей. Для него Левин – праздношатающийся конформист, который просто не имеет эмпатии к чужим страданиям и чужим детям. «Ребенка, жену, родину и т.д. будут турки-разбойники убивать, а Левин скажет: “Нет, нельзя убить турку. Нет, уж пусть он лучше выколет глазки ребенку и замучает его, а я уйду к Кити”» [3, с. 220]. В качестве контраргумента можно привести слова Толстого о том, что из любви к одним людям нельзя дать себе право убивать других. Например, в качестве контраргумента он приводит в пример роковое поведение Каифы, который, не желая убить весь народ, убивает одного. Этим одним был Христос.

Возможность встречи после 1878 г.

Полемика вышла нешуточная. Однако спустя два года Достоевский пишет один из любимых романов Толстого – «Братья Карамазовы». Сталкивая две позиции, из «Дневника писателя» и из этого романа, мы вступаем на противоречивую почву новой аргументации их автора. Когда он как критик обвиняет в равнодушии к страданиям детей Левина-Толстого, он вступает в противоречие с собой как автором романа «Братья Карамазовы», где уже в прямой аллюзии обращения к Христу в главе «Бунт», в частности, в рассказе о затравленном ребенке, он опровергает священное право на возмездие и вспоминает о всепрощении, которое принес Христос и которое стало важным ненасильственным аргументом в разговоре о страданиях невинных детей. Последний роман Достоевского оказывается логическим дополнением и напрямую связан с размышлениями Толстого в «Анне Карениной». Ответное желание мести «турке» за невинные страдания абстрактных детей в «Братьях Карамазовых» превращается в напоминание о Христовом всепрощении перед первой невинной жертвой в истории христианства – жертвой своего сына, принесенной Отцом тотальному «разбойнику» – всему миру людей. В этом прочтении мы ясно видим напоминание о том, что падший мир – это те же дети Отца небесного, что и воплощенный Христос. Поэтому в христианстве и происходит замена идеи «око за око» идеей братской любви и всепрощения. И хотя данные аргументы нельзя напрямую отождествлять с учением о ненасилии Толстого, в романе Достоевского мы имеем близкий к нему концепт Христового поведения как образцового, в том числе с точки зрения этики и симметричных действий.

Заключение

Приведенные выше рассуждения построены на ряде предположений, цель которых – доказать и различие между Толстым и Достоевским в вопросе христианского миропонимания, и их духовную близость, которая проявлялась сквозь тусклое стекло времени. В данном контексте важно вернуться к фигуре Страхова и преодолению штампа о его вине в «невстрече» двух великих мыслителей. В свете сказанного обвинения Страхова в намеренном «сокрытии» одного писателя от другого на лекции у Соловьева не кажутся такими уж обоснованными, как это пытаются показать некоторые исследователи вопроса. Каковы бы ни были тайные намерения Страхова, «невстреча» произошла совсем по другим причинам. В 1878 г. еще не пришло время, еще не произошло духовное сближение, которое могло произойти лишь по одному, но главному для обоих – религиозному – основанию.

Павел Басинский справедливо отмечает, что отношение Достоевского к Толстому в последние годы было скорее любовным, чем неприязненным. Он упоминает письмо А.А. Толстой своему племяннику Л.Н. Толстому, написанное за несколько месяцев до кончины Достоевского: «Он любит вас, много расспрашивал меня, много слышал об вашем настоящем направлении, и, наконец, спросил меня, нет ли у меня чего-либо писанного, где бы он мог лучше ознакомиться с этим направлением, которое его чрезвычайно интересует» [12, с. 10]. Интерес к направлению религиозной мысли Толстого косвенно подтверждает нашу гипотезу, что встреча двух мыслителей после 1880 г. обязательно бы состоялась, если бы не кончина Достоевского.

Всем известна искренняя реакция Толстого на известие о смерти писателя. Его боль и скорбь были неподдельными. Не просто «опора отскочила». Скорее всего, он потерял в лице Достоевского потенциального единомышленника в вопросе понимания христианского будущего мироустройства. В конце 1870-х гг. у него еще оставалась надежда, что Страхов сможет хоть в какой-то степени стать его собеседником в вопросе веры, поможет ему найти правильное понимание [10]. Но надежда не оправдалась. Страхов так никогда и не смог выйти за рамки своего философско-пантеистического мировоззрения. В споре же по поводу веры он всегда тяготел к Достоевскому, а не к Толстому. Недаром он, наряду с Достоевским, был одним из

четырёх авторов концепции почвенничества в 1860 г. Не изменил он своих взглядов и после 25-летней дружбы с Толстым. Рядом с Толстым он так и не стал толстовцем. «Толстой очень плохо пишет все, что касается отвлеченного изложения христианства; но его чувства... имеют необыкновенную красоту», – писал он в 1884 г. Аксакову (Цит. по: [11, с. 775]).

По пути поиска, исповедания и изложения своей веры Толстой после 1880 г. пошел один, без Страхова и Достоевского, обретая по дороге много новых друзей и единомышленников.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Бессонова А. Мыслитель Золотого века русской литературы // БелПресса. 23 ноября 2017 г. URL: <https://www.belpressa.ru/19580.html>
2. В тени великих. Образы и судьбы: сборник научных статей / Под ред. Л.П. Репиной. СПб.: Алетейя, 2010.
3. Достоевский Ф.М. Полное собрание сочинений: в 30-ти т. Т. 25. Дневник писателя за 1877 год. Июль–Август. Л.: Наука, 1983.
4. Достоевский Ф.М. Полное собрание сочинений: в 30-ти т. Т. 29. Публицистика и письма. Кн. 2. Письма, 1875–1877. Л.: Наука, 1986.
5. Захаров В.Н. Из забытых мемуаров. П. Матвеев о Ф. Достоевском, Н. Страхове, Л. Толстом // Н.Н. Страхов: pro et contra. Антология. СПб.: РХГА, 2021. С. 165–174.
6. Захаров В.Н. Polemika kak dialog: Достоевский в споре с Л. Толстым // Проблемы исторической поэтики. 2013. № 11. С. 242–255.
7. Захаров В.Н. Факты против легенды // Захаров В.Н. Проблемы изучения Ф.М. Достоевского: учебное пособие по спецкурсу. Петрозаводск: Изд-во ПетрГУ, 1978. С. 75–109.
8. Кибальник С.А. К разгадке одной писательской диффамации: почему Н.Н. Страхов оклеветал Ф.М. Достоевского // Вестник Томского государственного университета. Филология. 2018. № 55. С. 191–211.
9. Ореханов Г. Лев Толстой. «Пророк без чести». Хроника катастрофы. М.: Эксмо, 2016.
10. Паперно И. «Кто, что я?». Толстой в своих дневниках, письмах, воспоминаниях, трактатах. М.: Новое литературное обозрение, 2018.
11. Паперно И.А. Л.Н. Толстой в переписке с Н.Н. Страховым (1875–1879): философский диалог о вере // Н.Н. Страхов: pro et contra. Антология. СПб.: РХГА, 2021. С. 757–776.
12. Толстой Л.Н. и Толстая А.А. Переписка (1857–1903). М.: Наука, 2011.
13. Толстой Л.Н. Полное собрание сочинений: в 90 т. Т. 63. Письма, 1880–1886. М.; Л.: Государственное издательство художественной литературы, 1934.
14. Фатеев В.А. Н.Н. Страхов: личность, творчество, эпоха. СПб.: Пушкинский дом, 2021.

REFERENCES

1. Bessonova, A., 2017. Myslitel' Zolotogo veka russkoi literatury [A thinker of the Golden Age of Russian literature]. URL: <https://www.belpressa.ru/19580.html> (in Russ.)
2. Repina, L.P. ed., 2010. V teni velikih. Obrazy i sud'by: sbornik nauchnykh statei [In the shadow of the great people. Images and destinies: a collection of research papers]. Sankt-Peterburg: Aleteiya. (in Russ.)
3. Dostoevsky, F.M., 1983. Polnoe sobranie sochinenii: v 30-ti t. T. 25. Dnevnik pisatelya za 1877 god. Iyul'–Avgust [Collected works in 30 volumes. Vol. 25. Writer's diary for 1877. July–August]. Leningrad: Nauka. (in Russ.)
4. Dostoevsky, F.M., 1986. Polnoe sobranie sochinenii: v 30-ti t. T. 29. Publitsistika i pis'ma. Kn. 2. Pis'ma, 1875–1877 [Collected works in 30 volumes. Vol. 29. Essays and letters. Book 2. Letters, 1875–1877]. Leningrad: Nauka. (in Russ.)
5. Zakharov, V.N., 2021. Iz zabytykh memuarov. P. Matveev o F. Dostoevskom, N. Strakhove, L. Tolstom [From forgotten memoirs. P. Matveev about F. Dostoevsky, N. Strakhov, L. Tolstoy]. In: N.N. Strakhov: pro et contra. Antologiya. Sankt-Peterburg: RKhGA, 2021, pp. 165–174. (in Russ.)
6. Zakharov, V.N., 2013. Polemika kak dialog: Dostoevskii v spore s L. Tolstym [The polemics as a dialogue: F. Dostoevsky in a controversy with L. Tolstoy], Problemy istoricheskoi poetiki, no. 11, pp. 242–255. (in Russ.)
7. Zakharov, V.N., 1978. Fakty protiv legendy [Facts vs. legend]. In: Zakharov, V.N., 1978. Problemy izucheniya F.M. Dostoevskogo: uchebnoe posobie po spetskursu. Petrozavodsk: Izd-vo PetrGU, pp. 75–109. (in Russ.)
8. Kibal'nik, S.A., 2018. K razgadke odnoi pisatel'skoi diffamatsii: pochemu N.N. Strakhov oklevetal F.M. Dostoevskogo [Solving the riddle of a writer's defamation: why did Nikolay Strakhov slander Fyodor Dostoevsky?], Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Filologiya, no. 55, pp. 191–211. (in Russ.)
9. Orekhanov, G.V., 2016. Lev Tolstoi. «Prorok bez chesti». Khronika katastrofy [Leo Tolstoy.

«A prophet without honor». A chronicle of the catastrophe]. Moskva: Eksmo. (in Russ.)

10. Paperno, I., 2018. «Kto, chto ya?». Tolstoi v svoikh dnevnikakh, pis'makh, vospominaniyakh, traktatakh [«Who, what am I?». Tolstoy in his diaries, letters, memoirs, treatises]. Moskva: Novoe literaturnoe obozrenie. (in Russ.)

11. Paperno, I.A., 2021. L.N. Tolstoi v perepiske s N.N. Strakhovym (1875–1879): filosofskii dialog o vere [Leo Tolstoy's correspondence with Nikolay Strakhov, 1875–1879: philosophical dialogue about faith]. In: N.N. Strakhov: pro et contra. Antologiya. Sankt-Peterburg: RKhGA, 2021, pp. 757–776. (in Russ.)

12. Tolstoi L.N. i Tolstaya A.A. Perepiska (1857–1903) [Tolstoy L.N. and Tolstaya A.A. Correspondence, 1857–1903]. Moskva: Nauka, 2011. (in Russ.)

13. Tolstoy, L.N., 1934. Polnoe sobranie sochinenii: v 90 t. T. 63. Pis'ma, 1880–1886 [Collected works in 90 volumes. Vol. 63. Letters, 1880–1886]. Moskva; Leningrad: Gosudarstvennoe izdatel'stvo khudozhestvennoi literatury. (in Russ.)

14. Fateev, V.A., 2021. N.N. Strakhov: lichnost', tvorchestvo, epokha [Nikolay Strakhov: personality, works, and time]. Sankt-Peterburg: Pushkinskii dom. (in Russ.)

